

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 41–50

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 41–50

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50>, EDN: RDYYSB

Научная статья

УДК 398.3:811.161.1'38'42

Речежанровые характеристики бытовых примет

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматриваются бытовые приметы как особый речевой жанр в рамках прогностического дискурса. Календарные и метеорологические приметы в значительной мере отражают повторяющиеся объективные обстоятельства, в то время как в бытовых приметах зафиксированы большей частью случайные совпадения событий. С позиций научной и религиозной картин мира бытовые приметы квалифицируются как суеверия. Функция бытовых примет состоит в построении простой картины мира с предписаниями и объяснениями, имеющими мистический характер. Дискурсивная формула бытовой приметы включает следующие компоненты: 1) действие, 2) последствие, 3) объяснение, 4) предписание, 5) исправление. Обязательными компонентами этого жанра являются действие и предписание, остальные части формулы могут быть факультативными. Объяснение бытовой приметы часто носит мистический характер, поскольку иррациональные объяснения хорошо запоминаются. Приметы характеризуются высокой степенью этнокультурного своеобразия. Примета возникает как иконический знак и впоследствии становится индексальным знаком. В новых приметах повторяются в ином проявлении древние магические установки поведения. Современные толкования примет показывают, что этот речевой жанр в значительной мере выполняет не столько объяснительную, сколько развлекательную функцию.

Ключевые слова: речевой жанр, прогностический дискурс, бытовая примета, суеверие, иконический знак, сигнальный знак

Для цитирования: Карасик В. И. Речежанровые характеристики бытовых примет // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 41–50. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50>, EDN: RDYYSB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech-genre characteristics of everyday omens

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka, Moscow 119034, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with everyday omens as a special speech genre within the framework of prognostic discourse. Calendar and meteorological omens to a great extent reflect recurring objective circumstances, while everyday omens record mostly random coincidences of events. From the positions of scientific and religious worldviews, everyday omens are qualified as superstitions. The function of everyday omens is to build a simple picture of the world with prescriptions and explanations of mystical nature. The discursive formula of a household omen includes the following components: 1) action, 2) consequence, 3) explanation, 4) prescription, 5) correction. The obligatory components of this genre are action and prescription, the other parts of the formula can be optional. The explanation of a household omen is often mystical in nature, as irrational explanations are well remembered. Omens are characterized by a high degree of ethno-cultural uniqueness. An omen appears as an iconic sign and later becomes an indexical sign. In new omens ancient magical attitudes of behaviour are

repeated in a different manifestation. Modern interpretations of omens show that this speech genre to a great extent fulfils not so much explanatory as entertaining function.

Keywords: speech genre, predictive discourse, household omen, superstition, iconic sign, signal sign

For citation: Karasik V. I. Speech-genre characteristics of everyday omens. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 41–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-41-50>, EDN: RDYYSB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Освоение реальности включает в качестве одного из важнейших условий успешного выполнения намеченных действий планирование развития событий, т. е. понимание причинно-следственных связей между ними. Такое понимание базируется на индивидуальном и коллективном опыте людей. Оно неизбежно включает ошибочные заключения, которые впоследствии исправляются, но некоторые из них остаются как значимые либо забавные траектории познания мира. К числу таких траекторий относятся народные приметы – заключения обиходного сознания о связях между явлениями и событиями, позволяющие прогнозировать будущее. С позиций научного объяснения многие из таких примет считаются суевериями и предрассудками, особенно если речь идет об истолковании некоторых знаков в поведении людей. Вместе с тем метеорологические наблюдения и в ряде случаев факты быденных установок и действий людей достаточно надежно позволяют предсказывать типичное развитие событий.

С позиций дискурсологии приметы представляют собой один из жанров прогностического дискурса, который включает как рациональное планирование событий, так и их мистическое осмысление. С некоторыми оговорками прогностический дискурс включает благопожелания, проклятья, обещания, угрозы, программы, планы, предсказания, метеорологические прогнозы, диагнозы и всякие иные коммуникативные действия, содержание которых сориентировано на будущее.

Лингвокультурное описание примет неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [1–13]. Описаны типы этих коммуникативных действий (наблюдения, знамения, правила, запреты) [14], дано их культурологическое объяснение [15–17]. Заслуживает внимания вывод о том, что «сейчас суеверные демонологические представления наполнены либо предохранительными предписаниями при произвольной встрече с явлениями потустороннего мира, либо быличками и легендами о неожиданных контактах с персонажами нижней мифологии» [18: 117]. Вместе с тем

недостаточно охарактеризована жанровая специфика этих предписаний поведения.

Целью данного исследования является описание бытовой приметы как коммуникативного действия, предполагающее выявление его структуры и лингвокультурных особенностей. В качестве материала для анализа взяты словари примет и данные этой тематики, размещенные в Интернете [19–22].

Семиотика бытовых примет

Традиционно на основании тематического критерия выделяются календарные, погодные и бытовые приметы. Считается, что календарные и погодные приметы отражают объективное состояние реальности, в то время как бытовые умозаключения носят характер предрассудков и суеверий [23]. При этом отмечено, что «логика человека в ситуации предельного опыта (как у студента перед экзаменом, у космонавта перед полетом) резко меняется, всякое рациональное рассуждение, всякая причинно-следственная связь от прошлого к будущему уже не работают, человек воспринимает только те прогнозы, которые соответствуют смутным и тревожным ожиданиям» [Там же: 16]. Это верное замечание позволяет выделить определенные типы обстоятельств и типы людей: в обычных стандартных ситуациях есть возможность и время сделать рациональные рассуждения, но в ситуациях с высокой степенью непредсказуемости необходима опора на интуицию. Соответственно, есть люди, которые склонны любую ситуацию квалифицировать как стандартную и делать рациональные прогнозы относительно ее развития, и люди, которые в любом событии стремятся увидеть особые знаки, требующие озарения для их понимания. В крайнем выражении личности первого типа считаются педантами и занудами, а личности второго типа – романтиками и визионерами. Большинство ситуаций и типов личностей располагается между этими крайностями.

Истолкование бытовой приметы включает три базовых компонента этого коммуникативного действия: 1) тематика положения дел, 2) ожидаемые последствия, 3) объяснение причинно-следственных связей.

Отметим, что такая структура соответствует любым явлениям или событиям. Например, если зимой одеться недостаточно тепло перед выходом на улицу, то можно простудиться и заболеть, потому что переохлаждение ведет к простуде; если пойти на экзамен без подготовки, то можно получить плохую оценку, потому что на экзамене проверяются полученные студентом знания; если попытаться погладить чужую кошку, она может поцарапать, потому что посчитает это угрозой и т. д. Такие причинно-следственные связи становятся оценочными пресуппозициями поведения: следует либо не следует вести себя определенным образом.

Формулировки бытовых примет могут быть сведены к общей схеме: 1) действие, 2) последствие, 3) объяснение, 4) предписание, 5) исправление. Например, в русской лингвокультуре не рекомендуется свистеть дома, поскольку предполагается, что от этого не будет денег. Объяснительная часть этой приметы факультативна. Культурологи могут найти мифологическую либо какую-либо другую базу для истолкования того или иного действия. Например, свист привлекает нечистую силу либо оскорбляет домового. В отличие от обычного причинно-следственного сочетания событий, приметы с возможным негативным исходом часто предполагают коррективное действие, которое может вернуть его участников к нормальному положению дел. В случае свиста в помещении рекомендуется трижды обернуться вокруг себя, словно поворачивая время вспять, но не уточняется – по часовой стрелке или против нее. Разумеется, и объяснение, и коррективное действие могут носить принципиально иррациональный характер. Такие объяснения имеют этнокультурную специфику: в Монголии не рекомендуется свистеть дома потому, что могут заползти змеи. Чем рациональнее объяснение, тем менее они требуют осмысления. Если жених несет невесту в юрту, споткнется и уронит девушку, то их семейная жизнь не сложится, и это не требует особых объяснений.

Прескриптивный компонент примет позволяет отнести эти коммуникативные события в особому типу единиц в рамках ценностной картины мира [24–32].

Высокая степень субъективности приметы приводит к тому, что одни и те же явления в одной культуре оцениваются положительно, а в другой отрицательно. Например, в английской культуре високосный год считается счастливым, и любое предприятие, начатое 29 февраля, завершится успешно (*Superstition tells us that Leap Years are good for important undertakings, and anything started on February 29 is sure of success*) [22: 139]. В русской куль-

туре високосный год оценивается как тяжелый и для людей, и для скотины, а 29 февраля, в день Св. Касьяна, «желательно вообще проспать до обеда, чтобы таким образом переждать самое опасное время» [19: 197].

В ряде случаев возникновение приметы имеет иконическое знаковое обоснование: английские моряки считают, что нельзя свистеть на корабле, поскольку это может вызвать шторм. Свист человека сравнивается со свистом ветра. В Америке считается, что нельзя вешать портрет вверх ногами, поскольку это может повредить человеку, изображенному на портрете. Изображение отождествляется с реальным лицом. В этой же стране считается, что подкова как знак счастья должна висеть где-либо в доме или как украшение только концами вверх, это имитирует изображение сосуда, в который попадает счастье, если же концы будут направлены вниз, то счастье из дома уйдет. В России ориентация подковы, висящей на стене, либо ее изображение в виде кулона как символа счастья не играет роли.

В дискурсивном плане примета может быть выражена 1) в виде запрета либо предписания, 2) с дополнением в виде объяснения и 3) с уточнением в виде исправления неблагоприятного действия. Пример простого предписания: Берегись мужчину, даже если он друг или брат, у которого волосы на голове одного цвета, а усы другого (*Beware of that man, be he friend or brother, whose hair is one colour and moustache is another*) [22: 160]. В этой примете нет объяснения. В следующей примете объяснение есть: Когда пьешь любой напиток, спиртной или нет, его нельзя размешивать ножом, иначе заболит живот (*When enjoying a drink whether alcoholic or not, it should never be stirred with a knife or else you will get stomach ache*) [22: 81]. Нож наделяется магической силой. Известно, что нож или ножницы нельзя дарить, но можно их как бы продать другу, взяв за них символическую плату. Исправление неблагоприятного действия иллюстрируется в следующей примете: не следует зашивать что-либо на себе, не снимая одежды, можно «память зашить». Чтобы этого не произошло, нужно взять в зубы нитку.

Отметим, что развитие бытового прогностического знания подчиняется общим законам семиотики – прежде всего, закону асимметричного дуализма языкового знака, сформулированного С. О. Карцевским [33] (содержание знака стремится к выражению в новых формах, форма знака приобретает новое содержание), а также смысловому выветриванию знака, нейтрализации его содержания (иконические знаки со временем превращаются в индексальные, или сигнальные, т. е. объяснительные харак-

теристики знака стираются в памяти, знак просто требует запоминания). Именно поэтому примета, которая при своем возникновении имела некоторое рациональное объяснение, со временем превращается в сигнальный знак, а его истолкование замещается иным, часто мистическим, смыслом. Подчеркнем: иррациональное объяснение хорошо запоминается, поскольку не вписывается в систему общих логических закономерностей.

В семиотическом плане выделяются определенные знаки, которые являются ориентирами для прогностических заключений. Такова, в частности, значимость первого действия в системе примет. Например, *Если первый выстрел будет промах, то вся охота будет неуспешна* [20: 540].

Некоторые знаки прогностического дискурса являются полностью иррациональными: *Красный переплет диссертации – к проблемам на ее защите, синий или зеленый – к успешной защите* [20: 348].

Такого рода примета, вероятно, появилась у мистически настроенного аспиранта в качестве объяснения произошедших неприятностей.

Культурологические характеристики речевого жанра «примета»

Принято считать, что англоязычный мир воспринимает реальность на основе здравого смысла, квалификация явлений и событий на Западе строится на рациональной основе в отличие от подобной квалификации на Востоке, которая включает мистическое осмысление действительности. Такой взгляд на соотношение рациональности и мистицизма следует признать значительным упрощением положения дел. Во-первых, есть разные типы ситуаций, допускающих рациональное либо иррациональное осмысление, и в любой культуре люди сталкиваются с чудесами и необъяснимыми явлениями. Во-вторых, есть разные типы личностей, различающихся по возрасту, гендеру, уровню образования, месту постоянного проживания и по базовым жизненным интересам. Массовая и элитарная культуры в разных сообществах могут существенно различаться. В-третьих, есть разные типы дискурса, то, что уместно в обиходном общении, будет выглядеть странным в общении религиозном или научном. В-четвертых, взгляды на мир меняются со временем, при этом движение от рациональности к мистике и в обратном направлении можно сравнить с маятником. С учетом этих аргументов обратимся к описанию англоязычных бытовых примет, объясняющих поведение людей.

Тематически многие приметы касаются здоровья и внешности.

Рекомендуется иметь при себе жёлудь как оберег от старения (*To carry an acorn on your person prevents you growing old*) [22: 12]. Старость сопряжена с неизбежными болезнями, внешность меняется не в лучшую сторону, людям хочется как можно дольше оставаться молодыми. Этот оберег соответствует общей знаковой тенденции приметы – находить простейшее средство для предотвращения нежелательного развития событий. Объяснительная аргументация сводится к символизации дуба как мощного растения, которому поклонялись кельтские друиды.

Оценочные характеристики примет могут быть радикально противоположными. Так, ямочки на щеках или подбородке в Британии оцениваются как знак красоты, т. е. покровительства со стороны Бога, а в некоторых штатах Америки воспринимаются как дьявольская отметка на лице (*Dimples – in Britain – God's finger. In certain parts of America: Dimple on the chin – Devil within*) [22: 76]. По-видимому, кому-то из американских первопроходцев очень не повезло, когда он столкнулся с девушками, у которых были ямочки на подбородке. Знаковая специфика приметы – своеобразный когнитивный фальстарт, люди стремятся сделать обобщение на основании очень ограниченного опыта. Кроме того, признак, который наблюдается у меньшинства, часто оценивается отрицательно: поэтому, в частности, в арабском мире голубоглазые считаются нечестными. Подавляющее число арабов – кареглазые люди.

Весьма интересен прогностический вывод о положительном истолковании поведения, которое доставляет неприятности: считается, что ребенок, который долго плачет, будет жить долго (*A child who cries long will live long*) [22: 70]. Плачущее дитя тревожит родителей, и, действительно, это может быть сигналом боли, которая мучит младенца. В прогностическом дискурсе мы видим парадоксальное объяснение положения дел.

В прогностическом дискурсе выделяются темы с высокой ценностной значимостью. К таким темам относится знание о будущем супружестве. Считается, что нельзя ставить кипящий чайник носиком к стенке – можно остаться старой девой (*Young girls are warned by superstition not to turn a boiling kettle around so that the spout faces the wall or they will never find a husband*) [22: 132]. По-видимому, в данном случае устанавливается иконическое истолкование выходящего пара – он уйдет вовне. Интересно, что исправить такое положение дел достаточно легко – нужно только повернуть чайник на плите. Подобное иконическое истолкование получает и следующий совет: девочкам следует оставлять часть пицци

на тарелке, поскольку если съесть всё, то останешься старой девой (*British and German girl children have been told for generations that if they eat the last of anything remaining on a plate they will live to become old maids*) [22: 138]. Вероятно, такое требование имело педагогический характер выработки самоконтроля в поведении. Обратим внимание: совет адресован только девочкам, мальчикам можно доедать всё. В русской лингвокультуре принято было оставлять часть пищи на тарелке в качестве статусного знака: «Мы не из голодного края». В списке английских примет приводятся разные неблагоприятные ситуации, которые помешают девушке выйти замуж: нельзя садиться на стол, нельзя получать в подарок три наперстка, нельзя иметь длинные волосы до колен (*A girl who sits on a table will never be married*) [21: 390], (*If you have three thimbles given to you, you will never be married*) [21: 397], (*With hair below the knee ne'er a bride will she be*) [21: 185]. Такая перспектива считалась очень неприятной, и понятно, что для объяснения этого положения дел приводились самые разные причины.

Для молодых людей приводится совет – как приворожить понравившуюся девушку: нужно уколоть мизинец своей левой руки и незаметно оставить каплю крови в чашке с питьем у этой девушки (*Among British country folk there is an old superstition that a drop of blood taken from a little finger of a man's left hand and secretly put in a woman's drink will make her passionately fall in love with him*) [21: 37]. В этой примете осмысливается жертвоприношение, предполагается, что капля крови обладает магической силой притяжения. Остается загадкой, почему это должен быть мизинец левой руки. Отметим, что жертвоприношение в приметах сохранилось в видоизмененном состоянии до наших дней. До сих пор корабль спускают на воду, разбивая о форштевень – переднюю часть носа корабля – бутылку шампанского. Когда-то это была жертвенная кровь – сначала человека, затем животного, затем произошло иконическое замещение крови красным вином, и наконец – шампанским (*The custom of launching a new ship by breaking a bottle of champagne across its bows is actually a continuation of a much older tradition. The vessel was symbolically given life when human blood was smeared over it. Later on the blood was replaced by the red wine, but nowadays champagne almost invariably serves*) [22: 139].

Детально разработана в прогностическом дискурсе тема отношений с друзьями. В английской системе примет запрещается смотреть на людей через осколок разбитого стекла – это приведет к ссоре с ними (*Never look through a piece of broken glass at anyone or*

you will be sure to have a quarrel with them [22: 106]. Ассоциация понятна: разбитое стекло – разбитая дружба. Практически у всех народов разбитое зеркало предвещает несчастье. Считалось, что нельзя дарить мыло друзьям – дружба смывается (*It is unlucky to give soap as a present. It will wash the friendship away*) [21: 366]. Заставляет задуматься скрытое в этой примете сравнение дружбы с грязью. Есть и странные предписания: не следует целовать кого-либо в нос, это повлечет ссору между этими людьми (*It is said to be unlucky to kiss anyone on the nose as this will cause trouble between the two people involved*) [22: 133].

Некоторые простые действия наделяются в приметах символическим смыслом. Например, два человека не должны пить из одной чашки, если они не муж и жена. Если же они так поступят, их судьбы будут связаны (*Two people must not drink out of the same cup (unless they are married). If they do, their destinies will be linked*) [21: 126].

Изучение примет свидетельствует о том, что простые англичане (речь идет о мужчинах) очень боялись ведьм: страшно было встретиться утром с босоногой рыжеволосой женщиной, страшно было, если женщина попросит у вас мыло (*It is unlucky to meet a barefooted woman early in the morning. Should you meet a woman with bare feet and red hair, turn back in haste for some evil thing come upon you*) [21: 166], (*If a woman borrows soap and thanks you for it, she is a witch*) [21: 366]. Эти приметы свидетельствуют о том, что нормы гигиены были у жителей Альбиона весьма своеобразными. Неприязнь к рыжеволосым, возможно, имела и антропологическое объяснение: среди кельтов таких людей было больше, чем среди германцев.

Ключевой темой прогностического дискурса является удача – привлечение удачи и предупреждение о неудаче в результате определенных действий. Типичный знак грядущей удачи – найти гвоздь, причем самый удачный вариант, если этот гвоздь является ржавым (*In Britain it is said to be lucky to find a nail in the road, for nails have been looked upon as a form of protection against evil since at least Roman times when iron was regarded as the sacred metal. A rusty nail which is found is more lucky than a shiny one, and proves most effective when carried on the person*) [22: 162]. Толкователи этой английской приметы объясняют ее ссылкой на то, что в древние времена железо считалось оберегом от всякого зла. В списке русских суеверий мы находим противоположное толкование: *Гвоздь найти – к неприятности, потерять – иметь встречу с врагом* [19: 88]. Отметим, что в интернете есть и противоположное толкование этого знака: «Почти все знают, что нельзя подбирать найденный

нож, часы или булавку, но мало кто знает, что найти гвоздь – примета хорошая, особенно если он гнутый и ржавый. В этом случае счастье вам привалит вдвойне. Такой гвоздь носят с собой или кладут на притолоку на кухне» (<https://mistic-world.ru/najti-poteryat/najti-gvozd-primeta>). Такое расхождение толкований свидетельствует о высокой степени субъективности и недостоверности обиходного прогностического дискурса либо, как в данном случае, о том, что толкователи суеверий активно пользуются литературой, изданной как у нас, так и за рубежом.

Считается доброй удачей найти пуговицу с четырьмя дырками (*To find a four-hole button is lucky*) [21: 51]. В русской культуре этот предмет прогностически осмыслен с иных позиций: *Пуговкой остегнуться – пьян или бит будешь* [19: 389]. В любом случае пуговица наделена особой магической силой.

Упреждение неудачного развития обстоятельств принимает в англоязычном мире своеобразные формы: жены и подруги моряков надевают платья шиворот на выворот, чтобы их любимым повезло на море (*To this day there are fisher lassies who wear their chemises wrong side out when their sailor lads are away at sea and stormy weather threatens*) [21: 87]. Это попытка обмануть злых духов. В русском секторе интернета надетая наизнанку одежда трактуется иначе: *Если получилось так, что вы случайно одели кофту шиворот на выворот и даже не заметили этого, то в таком случае примета вам сулит ссору с лучшим другом* (<https://luckclub.ru>). Можно сделать вывод, что в последнем случае злые духи одерживают победу. Жены и подруги моряков ни в коем случае не должны расчесывать волосы ночью – это может принести вред их мужьям и любимым (*If a woman has any relations or friends at sea she must on no account comb and dress her hair after nightfall. Such an act brings disaster upon them*) [21: 184]. Волосы ассоциируются с жизненной силой, и злые духи, которые начинают действовать в темное время суток, могут похитить эту силу и принести вред морякам. В России тоже считалось, что «расчесыванием волос следует заниматься исключительно в утренние или дневные часы, чтобы они заряжались энергией Солнца и давали владелице жизненную силу» (<https://www.shkolazhizni.ru/fengshui/articles/99404>). Можно видеть, что своеобразная логика примет повторяется в культурах разных народов.

Заслуживает внимания осмысление положения тела во сне. В английском прогностическом дискурсе находим следующее предсказание: если спать головой на север, то жизнь будет краткой, а если на юг, то долгой, ориентация тела головой на восток обещает богатство,

а на запад – путешествия (*There is an old English superstition about the direction in which you lie when you sleep. If your head points to the north, your days will be short, while if it points south your life will be long. Should you wish to be rich, point it east, while the westerly direction indicates travel*) [22: 211]. Отметим, что в списке примет содержится и прямо противоположное предсказание: спать головой на север полезно для здоровья (*It is healthy to sleep with your head towards the north and your feet towards the south*) [21: 361]. Географическое осмысление устройства своего дома детально разработано в китайской философско-культурной системе фэншуй, согласно которой, в частности, перед домом должно быть озеро, а сзади гора. Сон – это особое состояние жизни. Есть множество разных толкований снов. В русской системе толкований мы сталкиваемся с шуткой по этому поводу: «Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся» [19: 445]. Жрецы прогностического знания, как видим, иногда поднимают слушателям и читателям.

Отметим, что в прогностическом дискурсе порой попадают откровения фейки. Например, в одном из англоязычных сочинений на эту тему говорится, что в России и Италии нельзя предлагать соль другу или гостю, поскольку это может повлечь за собой несчастье (*In Russia and in Italy salt is never offered by one friend to another, or by a host to welcome a guest, for fear of bringing down misfortune*) [22: 199]. Известная традиция предлагать гостю хлеб с солью опровергает это суждение. Известно, что в русской традиции считается дурной приметой просыпать соль – это ведет к ссоре. «Во избежание этого нужно либо рассмеяться, или дать себя ударить по лбу, или посыпать голову рассыпанной солью» [19: 444]. В Америке предвестником ссоры считается рассыпанная пудра для лица.

Особой магической силой в англоязычном мире примет обладает новый блестящий утюг, который рекомендуется приносить в новый дом – его яркость отпугивает злых духов. Но если утюг поржавел, его волшебная сила уходит (*It is unlucky to bring old iron as this can lead to misfortune. Tradition says that the brightness of a new iron blinded evil spirits and drove them away, but rusted or old iron had no effect on them at all and they could take up residence as they pleased*) [22: 128]. Обратим внимание на то, что в иррациональном мире примет обычные предметы оказываются наделенными особыми качествами – утюги, иголки, подушки и др. Жить в этом мире и легко, и трудно одновременно. Важнейшей характеристикой этого мира является совместимость разнородных качеств, его таинственная нелогичность.

Удачу могут привлекать некоторые живые существа. Паучок в доме считается знаком благополучия (*If you wish to live and thrive, let the spider run alive*) [22: 215]. Аналогичным образом этот знак воспринимается в традиционной русской культуре: *Паук над кем-нибудь спустился с потолка – к счастью* [19: 347]. Но некоторые существа навлекают на людей несчастья. В традиционной английской культуре встреча с сорокой, если кто-то отправился в путь, предвещает гибель: *It is unlucky to see a magpie if you are setting on a journey, and if one of the birds flies before you on your way to church it is a death omen. Incidentally only the Chinese consider the magpie to be a bird of good omen* [22: 147]. Но в китайской культуре сорока – символ счастья.

Структура некоторых примет включает превентивное действие, которое нейтрализует возможное негативное последствие события. Увидеть на дороге мёртвую птицу – дурной знак. Рекомендуется плюнуть на нее, чтобы не случилось ничего плохого. (*It is unlucky to see a dead pigeon. When we see a dead bird lying on the road, we spit on it so we don't get it for our supper*) [21: 25]. Залетевшая в комнату птица предвещает болезнь для тех, кто там живет (*It is said that for a bird to fly into a room, and out again, by an open window, surely indicates the disease of some inmate*) [21: 25]. В русской системе примет это объясняется аналогичным образом с уточнением: *Птица залетает в дом – к беде. Надо успеть поймать ее и сорвать голову, сказав: «Прилетела на свою голову!» – тогда беда обойдет стороной* [19: 388].

Некоторые приметы касаются только определенных категорий людей. Таково английское предупреждение для невест: если по дороге в церковь вдруг появится ящерица, брак не будет счастливым (*The lizard is a creature of ill-omen for a bride, for if she sees one on her way to church her marriage will be unhappy* [22: 143].

У многих народов правая сторона ассоциируется с позитивной квалификацией явления, левая – с негативной. Английские рыбаки, отправляясь в море, должны заходить в лодку только с правой стороны, даже если это и неудобно (*Fishermen when going to sea must always enter the boat by the right side, no matter how inconvenient*) [21: 34].

Каждая вещь должна быть на своем месте. Особую значимость в доме имеет стол. В английской системе примет запрещается класть метлу, зонт и обувь на стол. Обувь ставили на стол в семье шахтера, если тот погибал в результате завала. (*It is unlucky to put an umbrella upon a table*) [21: 415]. Стол в русской культуре ассоциируется с алтарем, поэтому ка-

тегорически запрещается класть на него ноги или разбивать сваренное яйцо об стол. Перевернутый стол предвещает драку [19: 454].

Заслуживают внимания приметы, относящиеся к определенному виду деятельности. Таковы приметы у актеров, музыкантов, моряков, врачей. Если актер споткнется на сцене во время спектакля, его ждет ангажемент на следующий сезон. В английских театрах нельзя украшать одежду павлиньими перьями, и все предметы на сцене, включая еду, напитки или украшения, должны быть имитациями, иначе спектакль провалится (*If a player spontaneously falls during a performance, he can be sure of another engagement at the same theatre. As far as costumes are concerned, peacock's feathers should never be worn as they bring a disaster, indeed if these feathers appear anywhere in the theatre, even if worn by a member of the audience, it is an ill omen. Indeed superstition decrees that no real food, drink or jewelry should be used, only imitations, or the production will fail*) [22: 13–14], (*Real flowers are barred for stage decorations*) [21: 396]. Актерам категорически запрещалось свистеть в театре – за это могли уволить (*To whistle in a theatre is a sign of the worst luck in the world, and there is no offence for which the manager will scold an employee more quickly*) [21: 441].

Музыканты считают, что возобновлять исполнение музыкального произведения, если оно было прервано на какое-то время, – плохая примета. Им нужно взять другую вещь – хотя бы на несколько тактов – прежде чем вернуться к первоначальной (*It is fairly common to find among musicians the belief that it is a bad luck to recommence a piece of music they have been practicing if they have been interrupted for any length of time. They should apparently take another piece – if only for a few bars – before going back to the original*) [22: 161].

Есть свои приметы и у спортсменов.

Нельзя давать интервью перед матчем – к поражению [20: 393].

Интервью понимается как поступок победителя, т. е. перед нами вариант опасения слеза.

Есть множество запретов, соблюдаемых моряками. Нельзя показывать пальцем на корабль, выходящий из гавани, он может затонуть (*It is ill-omened to point at a ship leaving the harbour (for fear it will sink)*) [22: 179]. Считается, что ведьмы плавают по морю на куриных скорлупках и топят корабли, поэтому нельзя приносить куриные яйца и в любом случае скорлупку нужно раскрошить. (*An egg is deemed so unlucky that fishermen will not even use the word, but call the produce of the fowl 'the roundabout'*) [21: 133]. Табуируется даже слово «яйцо».

Были свои приметы и у медиков. Считалось, что первый пациент у врача всегда выздоравливает (*A doctor's first patient, people say, is always cured*) [21: 158].

Выполнение примет требует особого порядка действий. Например, если вы захлопнули дверь своего дома, оставив там ключ, вы можете залезть через окно в дом, открыть дверь, но назад нужно вылезти через окно и только потом зайти в дом обычным способом (*If you forget your key and find yourself locked out, according to an English superstition there is a very definite procedure you must observe to avoid bad luck. Once you have got in through a window, go round to the front door, open it, and then go back to the window and climb out again and enter the now opened door in the normal manner*) [22: 126]. Эти действия противоречат нормальной бытовой логике, но соответствуют особой логике прогностического мировосприятия.

Иногда примета играет роль утешения. Когда люди писали ручками, пользуясь чернилами, время от времени чернильные капли срывались с пера, оставляя на бумаге кляксы. Конечно, это было неприятно. Но возникло поверие, что клякса приносит удачу (*It has been a superstition in the British Isles for several centuries that to spill some ink while writing a letter is an omen of good luck*) [22: 127]. Аналогичным образом англичане считают, если в пиво или в чай попала муха, это добрый знак – день пройдет хорошо (*If a fly falls into your cup of tea it will bring good luck*) [21: 164].

Как и любое явление, приметы меняются в соответствии с обстоятельствами жизни. Отметим новые приметы.

Одной из самых ярких офисных примет нашего времени является мода незаметно подержаться за стол начальника – якобы это приносит премию, доброжелательное отношение босса и прочие приятные вещи [20: 180].

В семиотическом плане в этой новой примете отражено магическое осмысление древнего ритуала прикосновения к чему-то сакральному как оберегу. В расширительном смысле к подобным действиям можно отнести и получение автографа от знаменитости.

Только что полученную зарплату не тратить хотя бы сутки, а все 24 часа продержаться ее в темноте [20: 375].

Зарплата ассоциируется с предметом, наделенным признаком счастья, удачи, т. е. воспринимается как талисман. Вызывает улыбку уточнение места хранения денег – отсюда следует, что счастье рассматривается как скоропортящийся продукт, который не сохраняется на свету.

Не рекомендуется вечером стирать с компьютера пыль, иначе появятся непредвиденные расходы [20: 407].

Эта примета соотносится с предупреждением о том, что нельзя вечером выносить мусор – счастье вынесешь.

Если машину сфотографировали – жди скорой аварии. Не фотографируйте свое авто, иначе его угонят [20: 623].

Фотография наделяется магической силой замещения предмета. Это древнее опасение отражено в египетских цветных скульптурных портретах живых людей, один глаз у скульптуры должен был оставаться нераскрашенным, иначе портрет может заместить человека. Отметим, что в наши дни можно констатировать, что для большинства наших современников фотография в социальных сетях (селфи) не рассматривается как угроза сглаза.

Некоторые новые приметы представляют собой советы контролировать свои действия:

Если во время беседы по мобильному телефону выронишь что-то из рук, то вскоре заболит голова [20: 605].

Какой бы ни была беседа, взятый предмет нужно крепко держать в руке.

Эти новые приметы свидетельствуют о том, что их магический смысл отражает древние предписания поведения.

Заключение

Приметы образуют особый речевой жанр в рамках прогностического дискурса, представляя собой обиходные обобщения наблюдений относительно явлений природы и человеческих характеров. Календарные и метеорологические приметы в значительной мере отражают повторяющиеся объективные обстоятельства, в то время как в бытовых приметах зафиксированы большей частью случайные совпадения событий. С позиций научной и религиозной картин мира бытовые приметы квалифицируются как суеверия. Функция бытовых примет состоит в построении простой картины мира с предписаниями и объяснениями, имеющими мистический характер. Дискурсивная формула бытовой приметы включает следующие компоненты: 1) действие, 2) последствие, 3) объяснение, 4) предписание, 5) исправление. Обязательными компонентами этого жанра являются действие и предписание, остальные части формулы могут быть факультативными. Объяснение бытовой приметы часто носит мистический характер – иррациональные объяснения хорошо запоминаются. Приметы характеризуются высокой степенью этнокультурного своеобразия. Примета возникает как иконический знак и впоследствии становится индексальным знаком. В новых приметах повторяются в ином проявлении древние ма-

гические установки поведения. Современные толкования примет показывают, что этот речевой жанр в значительной мере выполняет

не столько объяснительную, сколько развлекательную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова Н. А. Лингвокультурологический потенциал ключевого слова народной приметы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 26 с.
2. Ананьина Т. С. Репрезентация примет и поверий во фразеологических единицах русского и французского языков (сопоставительный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.
3. Гоу Яньминь. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности (лингвокультурологический подход) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022. 19 с.
4. Закиров М. И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 20 с.
5. Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006. 18 с.
6. Кулькова М. А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 52 с.
7. Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 133–140. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917>
8. Садова Т. С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб. : СПбГУ, 2003. 212 с.
9. Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 42 с.
10. Тонкова Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 18 с.
11. Федорова Н. И. Концепт небо в народных приметах русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 20 с.
12. Харченко В. К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. 1992. № 1. С. 78–82.
13. Чергунец И. А. Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 24 с.
14. Туганова С. В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.
15. Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 51 с.
16. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 47 с.
17. Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. / под ред. А. К. Байбурина. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 154–178.
18. Байдуж М. И. О некоторых границах сверхъестественного в современном городском пространстве //

Предел, граница, рамка. Интерпретация культурных кодов: 2012 / сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина и Е. С. Решетниковой. Саратов ; СПб. : ЛИСКА, 2012. С. 109–120.

19. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1996. 560 с.
20. Никитина Т. Г., Роголева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет : около 15 000 единиц. М. : АСТ: Астрель, 2009. 685 с.
21. A Dictionary of Superstitions / ed. by Iona Opie, Moira Tatem. Oxford University Press, 2005. 494 p.
22. Waring Ph. A Dictionary of omens and superstitions. London : Souvenir Press, 1998. 264 p.
23. Базылев В. Н. Предисловие // Многоязычный словарь суеверий и примет / под ред. Д. Пуччо. М. : ФЛИНТА, 2013. С. 6–21.
24. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
25. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
26. Дементьев В. В. Речевжанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
27. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
28. Кононова И. В. Генезис британской национальной морально-этической концептосферы сквозь призму языка : монография. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2009. 256 с.
29. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. М. : Гнозис, 2008. 374 с.
30. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М. : Гнозис, 2022. 536 с.
31. Леонтович О. А. Слово и образ в поисках друг друга : монография Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.
32. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
33. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. Ч. 2. М. : Просвещение, 1965. С. 85–90.

REFERENCES

1. Agapova N. A. *Linguocultural Potential of the Key Word of a Folk Omen*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2013. 26 p. (in Russian).
2. Ananyina T. S. *Representation of Omens and Beliefs in Phraseological Units of the Russian and French Languages (Comparative Aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2019. 27 p. (in Russian).
3. Gou Yanmin. *Russian and Chinese Signs of Anthropocentric Orientation (Linguocultural Approach)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2022. 19 p. (in Russian).

4. Zakirov M. I. *Concept of Water/su in Russian and Tatar Folk Omens*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kazan, 2009. 20 p. (in Russian).
5. Ivanova N. N. *Structural-semantic Peculiarities and Linguocultural Potential of Omens*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Veliky Novgorod, 2006. 18 p. (in Russian).
6. Kulkova M. A. *Cognitive and Semantic Space of the Folk Omen*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kazan, 2011. 52 p. (in Russian).
7. Lomakina O. V. Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2022, no. 9 (467), pp. 133–140 (in Russian). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10917>
8. Sadova T. S. *Narodnaia primeta kak tekst: lingvističeskii aspekt* [Folk omen as a text: Linguistic aspect]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 2003. 212 p. (in Russian).
9. Sadova T. S. *Folk Omens as a Text and Problems of Linguistics of Folklore Text*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2004. 42 p. (in Russian).
10. Tonkova E. E. *Folk Omen From the Positions of Linguocognitivism and Linguoculturology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2007. 18 p. (in Russian).
11. Fedorova N. I. *The Concept of the sky in Folk Signs of the Russian Language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kazan, 2011. 20 p. (in Russian).
12. Kharchenko V. K. The language of folk omens. *Russian Language in School*, 1992, no. 1, pp. 78–82 (in Russian).
13. Cherginets I. A. *The Meaning Construction of Superstitions and Prejudices in English and Russian Linguocultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nalchik, 2008. 24 p. (in Russian).
14. Tuganova S. V. *Syntagmatics and Paradigmatics of Russian and English Superstitious Signs of Anthropological Orientation*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kazan, 2006. 22 p. (in Russian).
15. Bogdanov K. A. *Everyday Life and Mythology: Studies on the Semiotics of Folklore Reality*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2002. 51 p. (in Russian).
16. Konovalova N. I. *Sacral Text as a Linguocultural Phenomenon*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2007. 47 p. (in Russian).
17. Tsivyan T. V. Mythological programming of everyday life. In: *Etnicheskie stereotipy povedeniya: sb. st. Pod red. A. K. Baiburina* [Baiburin A. K., ed. Ethnic stereotypes of behaviour: A collection of articles]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1985, pp. 154–178 (in Russian).
18. Baiduzh M. I. About some boundaries of the supernatural in the modern urban space. In: *Predel, granitsa, ramka. Interpretatsiya kul'turnykh kodov: 2012. Sost. i obshch. red. V. Yu. Mikhailina i E. S. Reshetnikovoi* [Mikhailin V. Yu., Reshetnikova E. M., compl. total ed. Limit, Border, Frame. Interpretation of Cultural Codes: 2012]. Saratov, Saint Petersburg, LISKA, 2012, pp. 109–120 (in Russian).
19. Grushko E. A., Medvedev Yu. M. *Slovar' russkikh sueverii, zaklinanii, primet i poverii* [Dictionary of Russian superstitions, spells, omens and beliefs]. Nizhny Novgorod, 'Russian Merchant' and 'Brothers Slavs', 1996. 560 p. (in Russian).
20. Nikitina T. G., Rogaleva E. I., Ivanova N. N. *Bol'shoi slovar' primet: okolo 15 000 edinit* [Big dictionary of omens: About 15 000 units]. Moscow, AST, Astrel, 2009. 685 p. (in Russian).
21. Iona Opie, Moira Tatem, eds. *A Dictionary of Superstitions*. Oxford University Press, 2005. 494 p.
22. Waring Ph. *A Dictionary of omens and superstitions*. London, Souvenir Press, 1998. 264 p.
23. Bazylev V. N. Preface. In: *Mnogoiazychnyi slovar' sueverii i primet. Pod red. D. Puchcho* [Puccio D., ed. Multilingual Dictionary of superstitions and omens]. Moscow, FLINTA, 2013, pp. 6–21 (in Russian).
24. Babaeva E. V. *Linguocultural Characteristics of the Russian and German Axiological Pictures of the World*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 40 p. (in Russian).
25. Vorkachev S. G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiia* [Incarnation of meaning: Conceptualia selecta: Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).
26. Demytyev V. V. *Rechezhanrovye kommunikativnye tsennosti v novykh i noveishikh sferakh russkoi rechi: monografiia* [Speech-genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech: Monograph]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).
27. Karasik V. I. *Iazykovaia spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral: Values, signs, motives]. Moscow, Gnosis, 2019. 424 p. (in Russian).
28. Kononova I. V. *Genezis britanskoi natsional'noi moral'no-eticheskoi kontseptosfery skvoz' prizmu iazyka: monografiia* [Genesis of the British national moral and ethical concepts through the prism of language: Monograph]. Ussuriysk, Ussuriysk University Publ., 2009. 256 p. (in Russian).
29. Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh: monografiia* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures: Monograph]. Moscow, Gnosis, 2008. 374 p.
30. Kusse H. *Kul'turovedcheskaia lingvistika* [Cultural Linguistics]. Moscow, Gnosis, 2022. 536 p. (in Russian).
31. Leontovich O. A. *Slovo i obraz v poiskakh drug druga: monografiia* [Word and image in search of each other: Monograph]. Volgograd, PrinTerra-Design, 2022. 252 p. (in Russian).
32. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiia* [Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2004. 340 p. (in Russian).
33. Kartsevskiy S. O. About asymmetrical dualism of linguistic sign. In: *Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2 t.* [History of linguistics of XIX–XX centuries in essays and extracts: In 2 parts]. Moscow, Prosveshchenie, 1965, part 2, pp. 85–90 (in Russian).

Поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 10.04.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 10.04.2024; published 28.02.2025